

Новая газ.

В Красноярске разгорелась дискуссия о прекрасном, переходящая на личности. Через год после того как в конкурсе на памятник писателю Виктору Астафьеву победил московский скульптор Игорь Линеви́ч-Яворский и на набережной Енисея началось возведение монумента, творческая общественность спохватилась и объявила, что безликий статуи им не нравится.

Спорить о вкусах, тем более с властью — дело бесперспективное. До этого столоничники уже успели «облагородить» и «усовершенствовать» родную астафьевскую деревню Овсянку. Заявив, что запечатленный в «Последнем поклоне» дом бабушки Катерины Петровны невозможно отремонтировать, его снесли, по-

«Культурная, но самоокупаемая Мекка» — это из избранных изречений Хлопонина об участии этой деревни

дательствовавшего в конкурсной комиссии, в лоббировании интересов московского скульптора. Усс в свою очередь удивляется, что группа людей берется говорить от имени всего общества, и напоминает, что решение в пользу проекта Яворского было принято в соответствии с процедурой и «моральными человеческими нормами», против был всего один голос.

Спорящие стороны прикрываются именем вдовы. И те, и другие утверждают, что она одобрила именно их проект.

лучше б книги астафьевские прочитали. Ну или публицистику, она покорооче и доходчивее. И как раз о них.

Мы с разных планет. Для одних Слизневский утес на Енисее или остров любви на Ангаре — их кровь, для других — средство для достижения вполне конкретных в денежном выражении целей. Будь то привлечение туристов или новый алюминиевый и целлюлозные комплексы в Приангарье. Поэтому утес можно закапывать в бетон, а реку убить, перегородив. И этим самым другим не понять, почему их

Скандал вокруг памятника Астафьеву как война миров

Кто употребляет Овсянку

строили свеженький. Этот но-водел, чудовищные куклы, рассаженные по дому и изображающие маленького Витю Астафьева и его родню, создали на личные деньги губернатора Александра Хлопонина. «Культурная, но самоокупаемая Мекка» — это из избранных изречений Хлопонина об участии этой деревни. Еще он пообещал местным старухам, что сделает из этого старинного казачьего села Лас-Вегас. Именно так и пообещал. А рядом с Овсянкой закатали в асфальт и бетон красивейший Слизневский утес, установив на высоте более ста метров над Енисеем огромную железную рыбину. Астафьевскую «царь-рыбу».

Какой с Хлопонина спрос — он не постеснялся на всю страну (его снимали телевизионщики) признаться, что ему подарили собрание сочинений Астафьева, но он «засыпает на 26-й странице первого тома».

И вот теперь увековечивание памяти великого земляка нашло логическое продолжение. Воздвигаемый Астафьев — вроде каменного Ленина, который уже стоит у резиденции краевых властей, только без кепки. Местная интеллигенция начала сбор денег на установку альтернативного памятника в Овсянке — работы красноярского скульптора Юрия Злоти (она на конкурсе заняла второе место) — писатель у лодки. Здесь Астафьев действительно похож на себя.

Скандал одобрен тем обстоятельством, что творческая интеллигенция обвиняет спикера краевого Заксобрания Александра Усса, предсе-

Таким видит Виктора Петровича скульптор Линеви́ч-Яворский

Понятно, какой памятник власти ни поставят, нравиться всем он не будет. Да, собственно, памятники ставятся не для этого. И вообще, как сказал философ, «нет ничего более неприметного, чем памятник». Его воздвижение не требует от властей региона и города никаких нравственных усилий. Это самое малое,

решения вызывают столько эмоций, смысл этого неприятия действительно не сформулируешь, он — из подкорки. Это или чувствуешь, или нет.

И памятник, что сейчас вырастет на красноярской набережной, — это не эстетические разногласия. Не эстетические. И это не вопрос денег — вырубать ли рядом с Красноярском и Овсянкой заповедные леса под еще одну горно-лыжную трассу для лыжников и владельцев Норильска Михаила Прохорова и Владимира Потанина, завозить ли ядерные отходы на берег великой реки, отдавать ли край транснациональным корпорациям под размещение самых грязных производств? Все гораздо глубже, на самом доньшке, у сердца. Как-то, говоря о новых соседях, богачах, застраивающих Овсянку краснокирпичными замками, Астафьев сказал: «Они меня ненавидят за то, что я живу не так, как они. А я не хочу так жить».

Наша единая Россия всегда была такой. Всегда одни были пришельцами, другие — ушельцами. И все же кажется, что люди, говорящие по-русски, сегодня, как никогда, разошлись по разным стандартам и стилям жизни. У нас все разное — ценности, герои, даже представления об истории своей страны и ее перспективах. И природа у нас разная, и книги, которые любим. Вот вроде бы Слизневский утес на Енисее, книги Астафьева — ну чем не те частности из последних, что еще могли бы нас роднить? Но контакта не получается.

**Воздвигаемый Астафьев —
вроде каменного Ленина,
который уже стоит
у резиденции краевых властей,
только без кепки**

● Алексей ТАРАСОВ,
наш соб. корр.
Красноярск